

Научная статья

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 344.643

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.3.16>

ПОДЖОГ КАК УГОЛОВНОЕ ДЕЯНИЕ В ПЕРВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© Черных В. В., 2022

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Осуществлен анализ одного из опаснейших преступлений периода Древней Руси как уголовного деяния, нашедшего значительное отражение в первых законодательных памятниках этого периода, – поджога. Сопоставление мнений исследователей права, выдающихся историософов и историографов России в отношении такого явления, как поджог, позволило увидеть становление системы наказаний за это преступление, его трансформацию на протяжении IX – середины XIII в. Через данное явление рассмотрен владельческий принцип собственности, повлиявший на тяжесть и сложность репрессивных мер в отношении поджигателей, что позволило увидеть разные подходы к установлению наказаний за поджог в зависимости от форм собственности и выявило опережающее развитие юридических начал для городов и их отсутствие для лесов и полей. Прослежена правовая тенденция мирового характера по отношению к данному преступлению и его последствиям, а также отмечено большое влияние обычного права Руси на составление первых письменных памятников права. Установлены лица, осуществлявшие судопроизводство в данный период, и выявлено складывание зачатков состязательности судебного процесса, доказательством чего является наличие системы присяжных заседателей и функционирование училища в Киеве, готовившего будущих управленцев, тиунов и т. д. Сделан вывод, что выявление исторического правового опыта позволяет создавать более полную и объективную историю становления и развития законодательства России, что является актуальным, в том числе и для такого явления, как поджог.

Ключевые слова: поджог, Покон Русский, Русская Правда, Судная Новгородская грамота, Судная Псковская грамота, наказания за поджог, судопроизводство, владельческий принцип.

ARSON AS A CRIMINAL ACT IN THE FIRST LEGISLATIVE ACTS OF ANCIENT RUSSIA

© Chernykh V. V., 2022

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

The analysis of one of the most dangerous crimes of the period of Ancient Russia as a criminal act, which was greatly reflected in the first legislative monuments of this period, is arson. A comparison of the opinions of legal researchers, prominent historiologists and historiographers of Russia regarding such a phenomenon as arson allowed us to see the formation of a system of punishments for this crime, its transformation during the IX – mid-XIII centuries. Through this phenomenon, the proprietorship principle of ownership is considered, which influenced the severity and complexity of repressive measures against arsonists, which allowed us to see different approaches to the establishment of penalties for arson, depending on the forms of ownership, which allowed us to identify the advanced development of legal principles for cities and their absence for forests and fields. The legal trend of a global nature in relation to this crime and its consequences is traced, and the great influence of the customary law of Russia on the compilation of the first written monuments of law is also noted. The persons who carried out the proceedings during this period were identified and the formation of the rudiments of the adversarial nature of the trial was revealed, the proof of which is the presence of a jury system and the functioning of a school in Kiev that trained future managers, tiuns, etc. Thus, the identification of historical legal experience allows you to create a more complete and objective history of formation and development the legislation of Russia, which is relevant, including for such a phenomenon as arson.

Keywords: arson, Pokon Russkiy, Russkaya Pravda, Sudnaya Novgorod charter, Sudnaya Pskov charter, punishments for arson, legal proceedings, ownership principle.

Введение

Использование огня как оружия известно с древнейших времен. С его помощью древние люди загоняли мамонтов и других животных в трясины или вынуждали прыгать с обрыва и разбиваться. Немало побед приносил огонь в битвах как в древние времена, так и не столь отдаленные, цинично используемый при нашиствии. Достаточно вспомнить активное его применение Чингисханом, Наполеоном, Гитлером

и другими завоевателями. Не нужно думать, что их действиям не дана была правовая оценка, и это не только суд истории, объявивший их моральными преступниками. Так, Наполеона судил Кабинет министров Великобритании, отправивший его пожизненно на о-в Святой Елены, а Гитлера и его единомышленников, несмотря на то, что к этому времени Гитлер был мертв, – Нюрнбергский процесс. Конечно, этим лицам не предъявляли статью о поджоге, пото-

му что их злодеяния выше единичных видов преступлений, но то, что они отдавали приказ использовать огонь в том или ином виде для достижения своих преступных замыслов, это несомненно.

Данный исторический экскурс приведен для того, чтобы усилить когнитивное восприятие термина *поджог* и усилить понимание его последствий в ряду других видов преступлений.

В силу того, что к такому явлению, как поджог, в историко-правовом аспекте обращались единицы исследователей и никто, даже из них, не делал предметом своего исследования данный вид преступления, представляется важным обращение к этой теме с надеждой, что обобщение российского историко-правового опыта позволит: во-первых, понять подноготную такого явления, как поджог; во-вторых, проследить становление и развитие правовых основ, направленных на борьбу с ним.

В данной статье предполагается сосредоточиться только на периоде Древней Руси, подвергнув анализу природу зарождения правовых узаконений и становление тех институтов, которые были призваны их контролировать и регулировать.

Материалы и методы исследования

Методы научного познания: диалектический, сравнительно-исторический, логический, диакронический, а также методы герменевтики и синергетики.

Обзор литературы

Источниковой базой статьи являются такие памятники русского права, как Покон (Закон) Русский, Русская Правда, Устав князя Ярослава, Новгородская и Псковская судные грамоты, Рукописание князя Всеволода, а также документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Полного собрания законов Российской империи.

Историографический задел истории пожаров на Руси, в том числе и уголовного преследования за поджог, был заложен нашими выдающимися историками Н. М. Карамзиным [6, с. 106–108], С. М. Соловьевым [12, с. 37], В. О. Ключевским [7, с. 43–46], Н. И. Костомаровым [6, с. 108] и менее знаменитыми, такими как А. П. Чехов [18, с. 5–8], в досоветский период. В XX – начале XXI в. данная тема обсуждалась на страницах монографий М. Ф. Владимирского-Буданова, Б. Д. Грекова, В. В. Черных и др. Большинство этих авторов отмечали, что российское законодательство зарождалось на базе обычного права славянорусов и имело весьма опосредованное отношение к правовому опыту других стран.

Результаты исследования

На рубеже VIII–IX вв. в славянских землях происходила консолидация земель в Союз племен, имевший протогосударственную форму правления, а стало быть, можно предполагать наличие у русов правовых норм уголовного характера, что, собственно, подтверждает Покон Русский, получивший известность, по мнению ряда исследователей (Рыбакова, Владимир-Будановского, Костомарова, Юшкова и др.), в IX в., называвших его сводом правовых установлений. Данные авторы считают, что он был общим законом славянорусов, но название его заставляет в этом усомниться. Представляется более убедительным объяснение, данное его происхождению В. О. Ключевским. По его мнению, Покон Русский сформировался в русских городах в IX–XI вв., в так называемой городской Руси, где первоначально жили только русы, но постепенно прибавлялся славянский элемент. Города всегда опережают в развитии деревню. Так и здесь – для регулирования жизни средневековых «мегаполисов» потребовались четкие правила, которые и были оформлены в Покон Русский [5]. Однако цель данной статьи не преследует досконального разбирательства генезиса данного нормативного правового акта. Для нас он важен как признание вышеуказанными авторами того, что он является сводом обычного права славянорусов, который стал основой при составлении более известного правового документа, именуемого Русской Правдой. А так как в письменном виде данный закон не сохранился, мы будем оперировать статьями Русской Правды, помня при этом, что дух Покона Русского в ней присутствует.

Нормативно-правовые основания такого деяния, как поджог, и преследования виновного в нем для данного периода представляют большую сложность, во-первых, потому, что законодателям не удалось сформулировать противопожарный закон, несмотря на жуткую пожароопасность населенных пунктов, лесов и нив, хотя передаваемые в устной форме первые княжеские законы («уставы», «уроки») Руси закладывали основы наказания поджигателей, которые в дальнейшем легли в основу Русской Правды. Во-вторых, играла определенную роль противоречивость подходов к поджогу как преступлению. Поджог зданий и сооружений по Русской Правде карался жестко, особенно если это преследовало военные цели или было направлено на религиозные объекты. В этом случае вступала в действие статья, звучавшая так: «Отдать на поток и разграбление», что означало изгнание из пределов государства, конфискацию имущества, а в особо опасных случаях

и смертную казнь [1, с. 28; 12, с. 214]. Потоком называлось лишение личных прав, а разграблением – лишение прав имущественных, причем это было одним наказанием. Так, с лишенным прав и его семьей можно было делать что угодно. Например, в Новгороде в 1209 г. «Мирошкин двор и Дмитров зажгоша, а животы их поимаша, и села их распродаша и челядь» [2, с. 397]. Осуществивший поджог преступник обязан был компенсировать ущерб пострадавшему, но судебная феодальная система уже начала работать и на себя, о чем говорит отчисление и в княжескую казну, так, ст. 83 констатирует: «Аже зажьжет кто гумно, то на поток и на грабеж дом его, переби пагубу исплатившаю, а в проце князю поточити и; тако же аже кто двор зажьжет» [2, с. 387; 3, с. 70]. Как видим, государство уже стоит на защите права собственности, защищая феодалов и крепких хозяев – огнищан. И действующий закон в отношении поджигальщиков отражал сложившуюся к этому времени специфику понимания пожара как антропогенного фактора, источником которого могло быть злонамеренное действие или бездействие человека, что влекло за собой последующее наказание.

Отсутствие в Русской Правде статьи, приговаривающей к смертной казни за самые тяжкие преступления, в том числе и за поджог, является особенностью этого документа, исходящей из ментальности русского народа, заключающейся в особом милосердии, что отмечали большинство историков, занимавшихся этой проблемой, – и Б. Д. Греков [4], и Н. М. Карамзин [6], и С. В. Юшков [18], и многие другие. Но древнерусское право развивалось, увеличивалось количество статей в новых законодательных памятниках этого периода, и вот уже в краткой редакции Устава князя Ярослава Мудрого в ст. 13 за поджог гумна поджигателю назначается штраф в 100 гривен [3, с. 169]. Возможно, тяжесть наказания обуславливалась тем, что амбар был подожжен на территории церкви и в действие вступало церковное право, увидевшее в этом преступлении покушение на социальный институт идеологических противников языческого толка. Статья 13 краткой редакции весьма схожа со ст. 14 пространной редакции Устава, которая предупреждала: «Аще кто зажжет гумно, или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен... а князь казнить» [Там же]. Очевидно, что статья эта касалась вотчинной сферы церковной юрисдикции и распространялась на крестьян, сидящих на землях, принадлежащих церкви, отсюда и достаточно жесткий вердикт. Напрашивается вывод, что церковные власти, получившие в XII в. собственность на землю, отстаивали свое недвижимое имущество, боясь пожаров

любого вида весьма энергично, о чем свидетельствуют данные статьи Русской Правды.

Нормы краткой редакции Русской Правды распространялись на всю территорию Древней Руси и отражали процесс оформления законов от частных случаев к общим нормам, от решения конкретных вопросов по охране имущества от огня к оформлению общегосударственного права на стадии становления средневекового феодального порядка. Вместе с тем некоторые земли в силу своего социально-экономического уклада вносили незначительные коррективы как в судебный процесс, так и в наказания за те или иные виды преступлений, в том числе и за поджог. Так, основными правовыми актами, действовавшими в республике Новгород, были Судная грамота и «Рукописание князя Всеволода». «А кому будет дело до владычня человека, или до боярского, или до житейского, или до купецкого, или до монастырского, или до кончанского, или до улитцкого, в волости о татбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слово а рука дать по крестному целованью, что тот человек тать и разбойник, или грабежчик, или пожегчик, или душегубец, или холоп; ино в коей волости будет от владыки волостель, или поселник, ино им поставит того человека у суда; а боярину и житьему и купцю, и монастырскому заказщику и поселнику, и кончанскому и улитцкому, также своих людей ставить у суда; а срок взять на сто верст три недели, а ближе и дале по числу; а до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обинить» [3, т. 1, с. 307–308]. Данная статья рассматривает процесс привлечения к уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления, в том числе и за поджог. Примечательно, что этот нормативный правовой документ обязывал истца выполнить обязательную присягу, подтверждающую наличие преступления, т. е. поджога, и только после присяги дело передавалось во владыческий суд. Грамота устанавливала и срок, в течение которого поджигатель должен был быть доставлен в суд, – «на сто верст три недели», а также запрещала любое насилие над обвиняемым до суда.

Для Новгородской и Псковской республик было характерно участие в судопроизводстве и епископа, и княжеского наместника, и посадника, и тысяцкого, что свидетельствует о широкой юрисдикции владыческого суда в республиках и его многовариантности. Суды республик были распределены между различными ветвями власти, а не сосредоточены в одном специальном органе, что было связано с судопроизводством как весьма прибыльной статьей для попол-

нения городской казны, а также отсутствием антагонистических социальных расслоений, о чем говорит такая фраза: «А судите всех равно, как боярина, так и житего, так и молодчегу человека» [9, с. 25–29, 31]. Обращает на себя внимание и такая сторона судопроизводства в республиках, как многоинстантность. Так, по договорным грамотам князь был не вправе судить без посадника, который, в свою очередь, не имел права начинать судопроизводство без наместника князя. Чаше всего в качестве судебных исполнителей фигурирует такая категория, как тиуны, являющиеся основополагающими представителями князей и бояр и претендующие на то, чтобы стать профессиональными судьями. Весьма любопытной особенностью судебного процесса этого периода являлось то, что помимо посадника, княжеского наместника, тиуна, в судопроизводстве принимали участие присяжные заседатели из бояр и других сословий, что говорит о зачатках состязательности суда. Для Новгородского суда их число определялось десятью [2, с. 610–629], а в одном из списков Правды Ярослава указано, что «истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком на извод 12 граждан, которые должны были по совести провести разбирательство» и вынести по нему вердикт, оставляя судье определить окончательное решение [6, с. 108]. О 12 присяжных заседателях писал и Костомаров, говоря, что в случае заpiresательства ответчика дело решалось судом 12 выбранных человек [8, с. 17]. Судебная процедура требует не только грамотности, но и определенной соответствующей подготовки. Уже в начале X в. в Новгороде имелось училище, готовившее 300 детей в год, часть выпускников которого стали и первыми правоведами [13, с. 19].

Заметным законодательным памятником эпохи феодальной раздробленности на Руси, относящимся к XIV–XV вв., была Псковская Судная грамота. И если в Русской Правде отражено противостояние феодальной вотчины миру крестьянских общин, то в Псковской Судной грамоте основные процессы связаны с городскими общинами, с установившимися «цеховыми ремесленными братствами». Нашло отражение в этом правовом документе и наказание за поджог; седьмая статья [3, с. 332] Псковской Судной грамоты определяла преступников, которые приговаривались к смертной казни, в том числе в ней фигурировал и поджигатель. Как видим, в Новгородской и Псковской республиках за поджог вводится смертная казнь без конкретного упоминания ее вида. Наиболее для этого периода была характерна смертная казнь через сожжение, повешение и утопление.

Суровость наказания за поджог обусловлена следующими соображениями. Намерение преступника уничтожить конкретный дом в деревянных городах и селениях Древней Руси зачастую перерастало в беду для целой улицы, селения, города, опасности подвергалось огромное количество людей, не имеющих никакого отношения к изначальному межличностному конфликту определенных людей. А крупные пожары редко обходятся без того, чтобы кто-нибудь не поплатился жизнью. Поэтому в далеком прошлом поджигателей наказывали очень часто сожжением.

Подобная форма наказания была характерна для римского права, где в так называемых Законах двенадцати таблиц содержится указание на то, что подвергается сожжению тот, кто зажжет строение или склад хлеба, находящийся возле дома. У саксонцев за ночное поджигательство также назначалась смертная казнь. Саксонские законы определяли, что поджигателя, лишившего посредством огня кого-либо жизни, должно колесовать, если же поджог не сопровождался гибелью людей, то поджигателю отсекалась голова.

В Японии пожарный устав вплоть до начала XX столетия был донельзя прост и несложен: статья первая и единственная гласила, что «всем обывателям дома, в котором случится пожар, рубить головы» [16, с. 86].

На Руси такая форма наказания, как сожжение за поджог, встречалась все-таки очень редко.

Имеются упоминания о подобном наказании в Новгородской летописи, где речь шла о сожжении четырех волхвов (служители языческого религиозного культа Древней Руси). Также зафиксирован факт сожжения в 1442 г. мнимых поджигателей в результате действий разъяренной толпы. Но эти факты не показательны, и они характеризуют применение смертной казни за поджог, скорее, как исключение, нежели как сложившуюся и широко распространенную карательную систему. И даже седьмая статья Псковской Судной грамоты, гласящая, что «...зажигальщику темь живота не дати», не является свидетельством широкого распространения смертной казни за поджог, так как в других феодальных княжествах действовали свои законы и правила [16, с. 87].

Все вышеуказанное справедливо для городов. Что же касается лесов, то здесь правовая картина выглядела иначе: у восточных славян переход от родовой общины к соседской завершился только к VII в. н. э. Сначала определилось владение лесами, затем – право собственности на лес. На начальном этапе развития собственности на леса выделяются такие признаки этого понятия: установление межевых знаков, су-

ществование грамот, договоров, актов частной воли. Соседская община была объединена общей территорией и совместными усилиями по средствам производства, под которыми следует понимать леса, землю, различные угодья, пастбища для животных. Община была заинтересована в их сохранности и вырабатывала определенные правила их защиты, которые в силу отсутствия письменности являли собой то, что мы называем обычным правом.

Первое упоминание об охране лесов мы находим в Русской Правде Ярослава Мудрого, где было впервые введено право собственности на лесные промыслы и была установлена ответственность за его нарушение применительно к поджогу. В качестве примера ответственности за нарушение лесного законодательства того времени можно привести следующую норму: «Аще кто сжеть лес чужой или сечет деревие чужие, сугубо да осужденъ будетъ и рука его знаменена будетъ» [10, с. 38]. Так же в Поконе вирном Русской Правды содержатся сведения об ответственности за поджог борти: «А въ княже борти 3 гривне, любо пожгоуть любо изоудроуть». Примечательно, что штраф был весьма незначительным и составлял всего 3 гривны, тогда как, скажем, за поджог леса по чешскому и сербскому праву в качестве наказания следовала смертная казнь, а именно сожжение [2, с. 377–378]. Почему так снисходительно право к поджогам лесов и жестко в отношении имущественных строений в населенных пунктах? Одно объяснение заключается в праве индивидуальной собственности (городской), которое опередило коллективную (общинную) и распространение писаных законов, защищающих в первую очередь класс имущих, собственно ради которых создавалось государство и устанавливались социальные институты для защиты их собственности [15, с. 83].

Второе объяснение носит более глубинный и даже ментальный характер, связанный с географическим детерминизмом. Руси досталась самая лесистая часть планеты, освоить которую в силу выбранного образа жизни с момента оседлости представлялось очень непросто теми примитивными средствами производства, которые были доступны. Бесконечным было отвоевание крестьянами земель у леса под земледелие – с применением подсечного способа производства или подсечно-огневого земледелия, когда на протяжении значительного времени крестьяне расчищали от леса землю под пашню, сжигали его и в течение нескольких лет получали сносный урожай, готовя за это время очередную площадку под сев. Это требовало непомерных сил и времени, часто при выжигании раскорче-

ванной земли огонь переходил на близлежащие лесные массивы и начинался большой лесной пожар. Сил и возможностей по его ликвидации у общин не было, что приводило к уничтожению не только лесных угодий, за счет даров которых они существовали, но и деревень, в которых они проживали. Поэтому русский крестьянин боялся и не любил леса. Это отмечал еще В. О. Ключевский [7, с. 58–59]. Негативное впечатление от лесов усиливало наличие в них опасных лесных хищников, болот, трясин и лихих людей, промышлявших разбоем и убийствами. К тому же до появления права собственности на леса, пашни и т. п., которое можно определить как «ненормированное лесное пользование» [16, с. 17] (для нашей страны оно затянулось до XV в.), в большинстве законодательных памятников отсутствуют указания по регулированию прав собственности на леса. Лишь в конце XV в. появляются документы, в какой-то мере определяющие эти права. В силу этого крестьяне считали лес «ничейным», «божьим», поэтому интенсивно пользовались его благами, рубили для своих нужд, сколько требуется, и лесной пожар воспринимали как бедствие, а неосторожное обращение с ним не считали за уголовное деяние. Вот поэтому поджог леса и оценивался в 3 гривны. И только в Уложении 1649 г. лесной пожар стал рассматриваться как «пожарное разорение» и назначался солидный штраф [17, с. 5].

Обсуждения и заключения

Итак, законодательство Древней Руси складывалось под существенным влиянием обычного права родов и племен, являвшихся автохтонным населением территории русской равнины. Рассматриваемая в статье проблема поджога как уголовного преступления – тому убедительное подтверждение. Как показывает анализ наиболее важных правовых актов данного периода, в них предусматривались серьезные наказания за намеренный поджог в основном частной собственности и отсутствие жестких подходов в отношении поджогов лесов и полей, не имевших собственника или иного владельца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баязин В. Н. Неофициальная история России. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 608 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
3. Введение к законодательству Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. 432 с.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : Учпедгиз, 1949. 406 с.
5. Закон Русский был написан для русов, а по какому... URL: <https://zen.yandex.ru/media/istok/zakon-russkii-byl-napisan-dlia-rusov-a-po-kakomu-zakonu-jili-slaviane-60a10fa03ce0c131066b7faf> (дата обращения: 08.05.2022).
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1989. 482 с.

7. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории. М. : Мысль, 1987. 436 с.
8. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2007. 1024 с.
9. Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. (Серия «Актуальная история России»). М. : Чарли ; Смоленск : Смядынь, 1994. 544 с.
10. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 344 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времен. М. : Голос, 1993. 752 с.
12. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М. : Голос, 1993. 768 с.
13. Терещенко А. В. История культуры русского народа. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
14. История русской культуры. М. : Эксмо, 2006. 832 с.
15. Фалеев Н. И. Лесное право: 1. Лесная собственность. 2. Лесные нарушения : пособие для лесничих, ученых лесоводов, сел. хозяев, лесовладельцев, лесопромышленников, землеустроителей, таксаторов, студентов вузов. М. : Изд-во т-ва И. Д. Сытина, 1912. 360 с.
16. Черных В. В. История борьбы с огнем в России : монография. Иркутск : Отгиск, 2010. 592 с.
17. Чехов А. П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб. : изд. кн. А. Д. Львова, 1892. 196 с.
18. Юшков С. В. Русская Правда. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. 380 с.

REFERENCES

1. Balyazin V.N. *Neofitsial'naya istoriya Rossii* [Unofficial history of Russia]. Moscow, OLMA Medio Grupp Publ., 2007, 608 p. (in Russian)
2. Vladimirovskij-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Moscow, Territory of the future Publ., 2005, 800 p. (in Russian)
3. Vvedenie k zakonodatel'stvu Drevnej Rusi [Introduction to the legislation of Ancient Russia]. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi* [Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vols. Vol. 1. The legislation of Ancient Russia]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984, 432 p. (in Russian)
4. Grekov B.D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949, 406 p. (in Russian)
5. *Zakon Russkij byl napisan dlya rusov, a po kakomu...* [The Russian law was written for the Rus, and according to which...] URL: <https://zen.yandex.ru/media/istok/zakon-russkij-byl-napisan-dlia-rusov-a-po-kakomu-zakonu-jili-slaviane-60a10fa03ce0c131066b-7faf> (date of access: 08.05.2022). (in Russian)
6. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State] V 12-ti tomah /pod red. A.N. Saharova. Moscow, Science Publ., 1989. 482 p. (in Russian)
7. Klyuchevskij V.O. *Sochineniya. V 9-ti t. Kurs russkoj istorii* [Essays. In 9 t. Russian History Course]. Moscow, Thought Publ., 1987. 436 p. (in Russian)

8. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah eyo glavnejshih deyatelej* [Russian History in the biographies of its most important figures]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 1024 p. (in Russian)
9. Kostomarov N.I. *Russkaya respublika (Severnoruskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki). Istoricheskie monografii i issledovaniya* [The Russian Republic (Northern Russian people's rights during the specific-veche way of life. The history of Novgorod, Pskov and Vyatka)]. Moscow, Charlie Publ., Smolensk, Smyadyn Publ., 1994, 544 p. (in Russian)
10. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Science Publ., 1981, 344 p.
11. Solov'ov S.M. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. I. T. 1-2. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon.* [The history of Russia since ancient times]. Moscow, Voice Publ., 1993. 752 p. (in Russian)
12. Solov'ov S.M. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. II. T. 3-4. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon.* [The history of Russia since ancient times]. Moscow, Voice Publ., 1993. 768 p. (in Russian)
13. Tereshchenko A.V. *Istoriya kul'tury russkogo naroda* [The history of the culture of the Russian people]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 736 p. (in Russian)
14. *Istoriya russkoj kul'tury* [History of Russian culture]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 832 p. (in Russian)
15. Faleev N.I. *Lesnoe pravo: 1. Lesnaya sobstvennost'. 2. Lesnye narusheniya: posobie dlya lesnichih, uchenyh lesovodov, sel. hozyaev, lesovladel'cev, lesopromyshlennikov, zemleustroitelej, taksatorov, studentov vuzov* [Forest law: 1. Forest property. 2. Forest violations: a manual for foresters, scientists, foresters, villages. owners, forest owners, timber industrialists, land managers, taxi drivers, university students]. Moscow, Publishing house of I. D. Sytin, 1912, 360 p. (in Russian)
16. Chernyh V.V. *Istoriya bor'by s ognem v Rossii* [The history of fighting fire in Russia]. Irkutsk, Impression Publ., 2010, 592 p. (in Russian)
17. Chekhov A.P. *Istoricheskij ocherk pozharnogo dela v Rossii* [A historical sketch of firefighting in Russia]. Saint Petersburg, Publishing house of A.D. Lviv, 1892, 196 p. (in Russian)
18. Yushkov S.V. *Russkaya Pravda* [Russian Truth]. Moscow, Legal lit. Publ., 1959, 380 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 07.09.2022
Received on 10.06.2022; approved on 16.08.2022; accepted for publication on 07.09.2022

Черных Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), ORCID: 0000-0002-5607-2535, e-mail: tchernykh@mail.ru

Chernykh Vladimir Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (110, Lermontov st., Irkutsk, 664071, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-5607-2535, e-mail: tchernykh@mail.ru